

ДАНИЛА ЗУЛЬЯН КУМАР

*Институт словенского языка Франа Рамовша, Научно-исследовательский центр
Словенской академии наук и искусств (Любляна)*

Словенский язык и словенская национальная, региональная и локальная идентичность

Язык является важной составной частью идентичности, причем можно установить определенную взаимосвязь между этапами развития национального языка и формами идентичности. В формировании и развитии словенского национального языка (начиная с конца XVII в. — периода национального пробуждения) и в развитии национальной словенской идентичности можно выделить шесть этапов, на каждом из которых социальные функции словенского языка видоизменялись, трансформировались также формы идентичности. В 90-е г. XX в. акцентирование словенской идентичности достигло своей вершины, вместе с тем в Словении стали заметны последствия процессов глобализации, что вызвало усиление внимания словенцев к своей региональной и локальной принадлежности, а также к региональным и локальным разновидностям языка — диалектам. В статье подробно рассматриваются разные формы национальной, локальной и региональной идентичности в Словении.

Ключевые слова: национальная, региональная, локальная идентичность, словенский язык, история словенского литературного языка, словенские диалекты.

Язык, на котором мы говорим, представляет собой важную часть нашего самосознания, то есть осознания того, кем мы являемся и в чем, собственно, заключается наша идентичность. А. Павленко и Э. Блэкледж видят взаимосвязь языка и идентичности в том, что языковая система обеспечивает средства, с помощью которых конструируется и реализуется идентичность общности и индивидуума [Pavlenko, Blackledge; в: Garcia 2010, 524]. Известно, что язык не только обеспечивает возникновение и существование культуры и идентичности соответствующей нации, он их еще и создает, так как любая языковая общность организует и именует окружающий мир по-своему, каждый язык располагает неповторимым строем, тесно связанным с культурой соответствующего народа. Или же, как сказал Дориан: “Каждый из языков мира отражает

человеческий опыт своим, уникальным образом. В отношении каждого языка можно утверждать, что он талантлив. Талант языка проявляется в том, каким именно способом язык создает структуры, выражающие то или иное значение” [Dogian 2010, 96].

Одной из существенных черт языка является его важная роль в формировании национального самосознания. Тесная связь между языком и национальным самосознанием обнаруживается уже в ранний исторический период: так, Б. Спольский указывает на сохранение идентичности израильских детей, поработанных в Египте, благодаря языку [Spolsky 2010, 174]. В процессе формирования национального сознания, активно проходившего в Западной Европе в XVI–XVII вв., а в остальной Европе и на Балканах позже, с середины XVIII в.¹, взаимосвязь между языком и национальной идентичностью становится все очевиднее. В XIX в. язык стал ведущим критерием, определяющим возникновение самостоятельных государств (ср. Болгарию и Грецию) или же основным фактором в формировании национального сознания (в частности, в Германии, Италии и для некоторых этнических групп Австро-Венгрии, национальное возрождение которых было часто связано с формальной программой по признанию прав национального языка, представляющего важнейшую часть культурной традиции любой этнической группы).

Неразрывная взаимосвязь языка и национального самосознания, которая была определяющей в начальный период формирования словенской нации, сохранялась и сохраняется на протяжении последних двух с половиной веков, принимая в разные исторические периоды различные формы, в зависимости от центростремительных или центробежных динамических тенденций, формирующихся в обществе на конкретных исторических этапах. В развитии словенской идентичности на национальном и связанном с ним региональном и локальном уровне можно выделить шесть этапов, в которых взаимосвязь языка и национального самосознания проявлялась по-разному.

На первом этапе (1768–1843/48), в период зарождения словенского национального самосознания, проходившего во второй половине XVIII в., то есть примерно в то же время, что и у многих других этнических групп центральной и южной Европы, начало складываться **осознанное стремление к расширению социальных функций словенского языка**. Этому способствовали правительственные реформы в Австрийской империи в конце XVIII в., следствием которых стало создание относительно унифицированных национальных литературных языков тех славянских народов Австрии, у которых не было длительной исторической литературной традиции [Štih 2011, 15]. Введение в Габсбургской империи

в 1774 г. обязательного начального школьного обучения “на языке населения” и необходимость модернизации крестьянских слоев вызвали потребность в школьных учебниках и пособиях для крестьян [Vodopivec 1997, 65]. Началом словенского национального возрождения считается появление грамматики словенского языка Марко Похлина *Kraynska Grammatika (Die crainerische Grammatik, oder Kunst die crainerische Sprach regelrishtig zu reden und zu schreiben)* (1768)², автор которой, выступая против полного забвения “учеными людьми” краинского (то есть словенского) языка, выразил желание, чтобы “молодежь из латинских школ обучалась также словенскому языку с тем же энтузиазмом, который долженствует и при изучении немецкого языка” [там же, 41]. Марко Похлин и его сотрудники начали последовательную деятельность по созданию оригинальной словенской литературы. Немного позже (4 января 1797 г.) появилось первое словенское периодическое издание *Lublanske novice*, издававшееся поэтом Валентином Водником.

Во второй половине этого периода, в 30-е гг. XIX в., поэт Франце Прешерн (1800–1849) и языковед, литературный критик Матия Чоп (1797–1835) сформулировали требование реформировать традиционно иерархические отношения словенского и немецкого языков (с засильем последнего в общественной сфере). Они успешно реализовали стремление поднять словенский язык на самый высокий уровень развития³: Прешерн стал первым признанным словенским поэтом, узаконившим использование живых разговорных языковых форм.

На втором этапе развития национального самосознания (1843/48–1861) у словенцев сформировалось **осознание единства территории и языковой общности**. Вместе с тем к концу этого периода появились **тенденции к объединению с близкими этническими славянскими группами на основе языкового родства**.

Требования изменить существующую общественную систему были записаны в так называемой “Объединенной Словении” — политической программе словенцев 1848 г., где было сформулировано требование объединить в границах Австрийской империи раздробленные словенские земли (австрийские провинции Крайну, Штирию, Приморье и Каринтию) в герцогство Словения, а также высказывалось требование равноправного использования словенского языка в публичной сфере [ES 15 2001, 146–150]. Однако словенцам не удалось реализовать свою политическую программу: австрийское правительство, признавшее словенцев после революции 1848–1849 гг. единым народом, до конца своего существования в 1918 г. все же не отменило разделения на провинции. Впрочем, словенский язык был признан одним из администра-

тивных языков, и во введении к официальному правительственному бюллетеню, публиковавшемуся в Австрии с 1849 г., указывалось, что издание будет выходить в десяти версиях, в том числе и на словенском языке — “in slovenischer Sprache” [Melik 1997, 46]. Наряду с введением словенского языка в официальные издания власть предпринимала усилия по унификации словенского литературного языка и устранению различных региональных вариантов.

Значительное влияние на формирование ключевых символов национальной самоидентификации словенцев оказали многочисленные читальни, где создавались первые библиотеки, а также хоры [Fakin Vajec 2005, 194]. Преимущественное использование немецкого языка в публичной сфере стало постепенно уменьшаться за счет словенского, что привело к изменению соотношения и роли этих языков в обществе, а впоследствии — к утверждению словенского языка на первом месте в сознании и в практической жизни людей.

Несмотря на то, что начало второго периода словенского национального возрождения обычно относят к революционному 1848 году, уже в 30-е гг. XIX в. в Словении было два показателя, свидетельствовавших о новом подъеме национального движения: это, во-первых, появление словенской еженедельной газеты *Kmetijske in rokodelske novice*, редактируемой Янезом Блайвайзом, ставшей спустя 42 года после закрытия *Lublanskih novic* первым словенским массовым периодическим изданием; во-вторых, зарождение панславизма, широко распространившегося в славянском мире в 30-е гг. XIX в., в частности, благодаря идеям словака Яна Коллара о славянской взаимности. Под влиянием панславизма хорват Людевит Гай активно развивает движение за общий южнославянский иллирийский язык. Словенцы встали перед выбором между двумя идеями — славянской и югославянской. Хотя целью обеих было укрепление национального движения, они вместе с тем отражали определенную беспомощность словенского общества в этот период, так как обе возникли из чувства собственной национальной неполноценности [Мелик 1997, 43].

На третьем этапе развития словенской идентичности (1861–1909), в период стремительного культурного подъема, словенцам удалось преодолеть историческое отставание, в котором они пребывали со времен Средневековья, и сформировать **развитую нацию с функционально развитым языком** [Melik 1997, 48]. Словенский язык активно развивался, возникла терминология в различных областях науки и культуры, юриспруденции, политической сфере. Вместе с развитием словенского языка быстро эволюционировало общественное сознание: программа

“Объединенная Словения”, вначале представлявшая собой политическую волю нескольких человек, после выборов 1867 г. приняла характер общесловенской политической воли⁴. Однако развитие словенского общества тормозилось слабой экономикой, массовой эмиграцией в экономически развитые регионы, а также сильной германизацией Каринтии и Штирии. Эти причины вынуждали словенцев к поиску союзников, которых они и нашли в общем югославянском государстве.

Четвертый этап развития словенской национальной идентичности (1909–1945) — это период югославянства, когда **в обществе возобладала идея общности южнославянских народов в силу близости их языков**. Начало его было положено в 1909 г., когда краанским региональным собранием было выдвинуто требование, фактически полностью повторенное 30 мая 1917 г. в “Майской декларации словенских, хорватских и сербских депутатов в Вене”: объединить все провинции монархии, где проживают словенцы, хорваты и сербы, в самостоятельное государственное образование. Государство словенцев, хорватов и сербов, возникшее 29 октября 1918 г., в декабре того же года было преобразовано в Королевство сербов, хорватов и словенцев. В словенских землях Королевства словенский язык стал единственным языком администрации, однако он не стал государственным. Кроме того, в Королевство СХС вошла только часть словенских этнических земель (включая Прекмурье), так как Каринтия после плебисцита была потеряна, а Приморье отошло к Италии.

К этому этапу примыкает краткий период 1941–1945 гг. — время немецкой, итальянской и венгерской оккупации словенской территории, сопровождаемое утверждением преимущества немецкой, итальянской и венгерской культуры, что вызвало спонтанное сопротивление словенцев и формирование отрядов сопротивления [Vodopivec 2006, 273]. Весь этот период активная словенская культурная и научная деятельность не прерывалась, издавалась периодическая печать, специальная и художественная литература. Важную роль в укреплении национального самосознания сыграла начальная школа, сформировавшаяся в рамках движения сопротивления, особенно после капитуляции Италии на территории Приморья, Внутренней и Нижней Краины [ibid., 304–305]. Стремление словенцев к объединению в единое государство с другими южнославянскими народами было реализовано в конце Второй мировой войны после включения Словении в Федеративную республику Югославия (с 1963 г. — СФРЮ), в состав которой в 1947 г. было включено также Приморье⁵.

Пятый этап развития словенского национального самосознания (1945–1991) связан с резким изменением социальной структуры об-

щества в связи с экономическим и национальным развитием в новой Югославии. Для предупреждения возможных национальных конфликтов власти СФРЮ поставили задачу формирования единого югославянского самосознания и единой югославянской культуры, основываясь на лозунге о братстве и общности, но из-за экономических проблем отношения между развитыми и неразвитыми регионами страны ухудшались. Для снятия остроты проблем власти старались переориентировать внимание на классовое самоопределение и меньше внимания уделять проблемам национального самоопределения отдельных наций СФРЮ [Fakin Vajec 2011, 40]. Ускоренная индустриализация вызвала массовый переезд словенцев из сельской местности в урбанизированные предместья, и традиционный крестьянский уклад жизни начал уступать место городскому. Принадлежность к региональной и локальной крестьянской среде стала символизировать отсталость, тогда как урбанизированная социалистическая система ассоциировалась с прогрессом и модернизацией. Хотя в целом люди стали жить в лучших экономических и социальных условиях, начавшееся уничтожение культурных достижений прежних времен и замена традиционных крестьянских ритуалов новыми⁶ активизировали не исчезающий на протяжении всего этого времени **протест против униформизма и обобщенного югославянского самоопределения, выразившийся в усилении борьбы за права словенского языка в многонациональной федерации, за его чистоту от сербокроатизмов**. В 80-е гг. XX в. в Словении началось открытое сопротивление униформизму и возникло движение за демократизацию всех форм жизни⁷, что привело к референдуму об отделении Словении от Югославии и образованию самостоятельного национального государства в 1991 г.

Шестой этап развития (1991—по настоящее время) знаменуется двумя тенденциями. В первые годы независимости государства достиг кульминации процесс, начавшийся еще в середине 80-х гг. XX в., когда стало модно акцентировать словенскую самоидентичность, в высокой степени положительно оценивать все словенское, что заметнее всего проявилось на телевидении в виде эмоционально прочувствованных рекламных роликов о словенских туристических достопримечательностях⁸, словенских продуктах и т. д.

В середине 90 гг. Словения столкнулась с экономическими и социальными трансформациями общества, вызванными процессами глобализации, изменившими значение и роль национального государства, национального самосознания и языка. Усиление влияния английского языка привело к отрицательным последствиям в оценке перспектив

развития национального языка. Однако, если в первых исследованиях начального периода глобализации содержались предупреждения о негативном воздействии глобальной культуры⁹, то новейшие исследования показали интересный результат: наряду с гомогенизацией, глобализация вызвала и обратный эффект — пробуждение так называемой “спящей/латентной самоидентификации”, то есть самоидентификации на локальном и региональном уровне [Rizman 2003, 36; Fakin Bajec 2011, 166; Zuljan Kumar 2011, 235–236; Zuljan Kumar 2014]. К такому же выводу проходит Фишман: “Некоторые процессы глобализации и постмодернизма, которые во временной перспективе, как казалось, должны были бы представлять собой самую большую опасность ассимиляции локальной идентичности на уровне «церковного прихода», на деле способствовали возрождению последних” [Fishman 2010, 529]. Глобализация, с одной стороны, дестабилизировала национальную культуру и поставила национальные языки под угрозу, ограничив их использование в процессе международной коммуникации, а с другой стороны, активизировала **процессы углубленного осознания идентичности и языковых особенностей, в том числе на локальном и региональном уровне.**

Региональная идентичность определяется как часть социальной идентичности личности. Противостояние обезличенным унифицированным символам вызвало поиски новой идентичности, связанной с осознанием принадлежности к отдельной территории или региону. В Словении традиционно выделяются следующие регионы: каринтийский (Koroška), горенский (Gorenjska), доленский (Dolenjska), приморский (Primorska), прекмурский (Prekmurje) и штирийский (Štajerska), различия между которыми заключаются не только в климатических особенностях или характеристиках рельефа, растительного и животного мира, но и в образе жизни населяющих эти регионы людей, их обычаях, особенностях повседневной жизни, кулинарных пристрастиях и т.д. Понятие региональной идентичности близко связано с понятием локальной идентичности, характеризующей более узкую общность людей, в частности, сельскую /деревенскую общину, которая, как правило, совпадает с приходской общиной. В последние годы в Словении сельские общины очень активны: снимают фильмы об истории и современности своего края, пишут и издают книги о замечательных людях – своих земляках, составляют диалектные словари, издают местные газеты и т.д.

Региональная и локальная идентичность в Словении наиболее активно начала формироваться в периферийных районах страны, прежде всего в области образования и локального творчества.

Значение местных диалектов первыми стали подчеркивать школы на итальянской территории Словении, поскольку словенские дети, проживающие за рубежом Республики Словении, первый контакт с литературным словенским языком как правило устанавливают именно через свой диалект, на котором они говорят у себя дома, в семье (хотя официальный язык приграничных зон — итальянский, немецкий или венгерский). Радует факт, что в последние годы ответственные за школьное образование власти Словении включают в учебные планы часы, предназначенные для изучения местного диалекта. В четвертом классе ученики должны в разговоре со старейшими жителями своей деревни познакомиться с местными обычаями и традициями, в шестом классе они пишут сочинения на диалекте и затем сравнивают текст с аналогичным текстом на литературном языке. В начальной школе им. Макса Плетершника, расположенной на хорватской границе, в сотрудничестве с Отделом образования Республики Словении в 1998/99 уч. г. была разработана модель исследования словенских диалектов, предназначенная для учителей словенского языка и учеников 7-го класса. Таким образом, дети начинают размышлять о своем языке, знакомиться с жизнью окружающих людей, их трудом, образом жизни своих предков, благодаря чему формируется их идентичность на локальном и региональном уровне.

Большинство современных словенских поэтов, кант-авторов и певцов, пишущих тексты и поющих на диалекте, — это прежде всего выходцы из периферийных, приграничных словенских регионов [Stanonik 2007, 65–75, Novak Popov 2009, 438; Novak Popov 2013, 165]: Фери Лайнщек (Feri Lainšček) и Владо Креслин (Vlado Kreslin) — из словенско-венгерского пограничья (Прекмурье), Сильвана Палетти (Silvana Paletti) и Вильем Черно (Viljem Černo) — из Резии, словенского языкового острова в Италии, и др.

Этот факт по-своему закономерен, поскольку чувствительность к родному языку всегда проявляется более ярко именно в приграничных зонах, где носители языка в повседневной коммуникации используют два языка или более¹⁰. Благодаря региональному/локальному языку, маркирующему творчество поэта (писателя) как представителя определенной общности, автор достигает эффекта искренности и аутентичности [Novak Popov 2013, 166]. Словенские писатели, пишущие на диалекте, в определенном смысле продолжают традицию диалектной литературы, вместе с тем они обогащают ее новыми, актуальными содержательными элементами, так что их творчество уже перестает быть классической народной литературой [Bandelj 2013, 59]. Поэзия такого рода уже перерастает локальные/региональные границы и распространяется на

всю Словению, что резко меняет представления о диалектной литературе. Изменение в оценке диалектной литературы протекает параллельно с изменением взгляда на деревенский мир, символизировавший отсталость и необразованность: сегодня он приобретает новую ценность для человека, стремящегося вырваться из шума и суеты городского мира [Vassberg 1993, 158]. В этом контексте использование региональных и локальных языков теряет ассоциативную связь с недостатком воспитания и образования и представляется формой обогащения литературного языка. Возникает понимание, что диалект является не формой разрушения литературного языка, а формой его дополнения, и что словенская национальная идентичность представляет собой мозаику, состоящую из словенских региональных (локальных) идентичностей.

Таким образом, развитие словенской идентичности — большой и длительный процесс, обеспечивающий культурную и языковую самобытность словенского народа, в котором важную роль играет язык. Каждый из этапов развития словенской идентичности отличает специфическая связь между самосознанием и языком, уровнем его развития, степенью осознания его разных сторон — начиная от понимания его уникальности, способности обслуживать разные сферы жизни словенцев, его объединяющей и символической роли в национальной самоидентификации общества и до проявлений региональной /локальной самоидентификации, ведущей к более глубокому осознанию своих корней и способности противостоять процессам глобализации и унификации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Одной из причин запаздывания национального возрождения у славян было то, что представители почти всех славянских этнических групп (кроме русских и поляков) принадлежали к низшему или среднему классу и поэтому не имели возможности получить качественное образование.

² Начало словенской литературно-издательской деятельности было положено уже в XVI в., в период Реформации. Первые словенские книги, *Abecedarium* и *Catechismus in der windischen sprache* протестантского священника Приможа Трубара (1508–1586) вышли в 1550 г. в Тюбингене (Германия), чуть позже в Виттенберге (Германия) появилась первая грамматика словенского языка на латыни *Arcticae horulae succisivae* Адама Бохорича (1520–1598) и перевод Библии Юрия Далматина, словенского протестантского теолога (около 1547–1589, *Biblija, tu je vse svetu pismu stariga inu noviga testamenta, slovenski tolmačena skuzi Jurija Dalmatina*).

³ Поэзия Франца Прешерна стала классикой, “золотыми страницами” словенской литературы. — *Прим. пер.*

⁴ Это получило выражение в таборном движении (1868–1871), сыгравшем важную роль в укреплении словенского национального сознания.

⁵ Два важных приморских города, Триест и Гориция, по Парижскому мирному договору 1947 г. принадлежали Италии, и в Югославии возник новый город — Нова Горица.

⁶ Вместо религиозного ритуала празднования дня святого Николая был введен праздник Деда Мороза, который отмечался в школах и на предприятиях, в то время как в семье или на селе он так и не прижился.

⁷ Тенденция к демократизации в области культуры в 80-х гг. проявлялась в широком распространении альтернативной молодежной субкультуры, возникновении рок- и панк-групп. В их числе следует упомянуть рок-группу *Laibach*, арт-группу *Irwin* и театральную группу *Scipion Nasice*, объединившиеся в 1983 г. в “арт-коллектив” *Neue slovenische Kunst* [Vodopivec 2006, 458].

⁸ Особенно ярким примером является рекламный фильм “СЛОВЕНИЯ, моя страна” (1986), в котором подчеркивалась красота словенской природы, особенно Логарской долины и словенской Истры. Музыка и аранжировку для него написал признанный словенский композитор Яни Голоб, текст — Душан Велкаврх, озвучил его один из популярнейших словенских певцов Ото Пестнер. И сегодня этот фильм считается одним из лучших словенских рекламных роликов. Посмотреть его можно на: http://www.youtube.com/watch?v=jk4ZJ8GDj_1.

⁹ Процессы глобализация вызвали проблему языковой ассимиляции, основная опасность которой — заимствование не столько иностранных лексем или языковых структур, сколько чуждой, привнесенной извне шкалы ценностей. Подробнее см. [Edwards 2009, 73–98].

¹⁰ Использование локальных и региональных форм языка в литературе широко распространилось в Европе: на них снимаются фильмы, успешно конкурирующие на кинофестивалях, и это разрушает стереотипное представление о том, что географическая ограниченность региональных (локальных) форм языка не позволяет им соревноваться с литературным языком [García 2010, 266].

ЛИТЕРАТУРА

- Bandelj D., 2013: Nekaj opazk o najsodobnejši beneški poeziji, *Jezik in slovstvo*, letn. 54, št. 4, 59–71.
- Dorian N.C., 2010: Disciplinary and Methodological Approaches: Linguistic and Ethnographic Work, in Fishman J.A., García O. (eds.), *Language & Ethnic Identity. Volume I Disciplinary and Regional Perspectives*. Oxford, New York, 89–106.
- Edwards J., 2009: *Language and Identity*. Cambridge.
- ES = *Enciklopedija Slovenije* 2, 1988. Ljubljana; *Enciklopedija Slovenije* 6, 1992. Ljubljana; *Enciklopedija Slovenije* 15, 2001. Ljubljana.
- Fakin Bajec J., 2005: Globalno v lokalnem: raziskovanje Komenskega Krasa skozi sodobno teorijo identitetne dinamike, in Hudales J., Visočnik N. (ur.), *Dediščina v očeh znanosti*. Univerza v Ljubljani, 189–208.
- Fakin Bajec J., 2011: *Procesi ustvarjanja kulturne dediščine. Kraševci med tradicijo in izzivi sodobne družbe*. Ljubljana.
- Fishman J.A., 2010: Sociolinguistics: Language and Ethnic Identity, in Fishman J.A.,

- García O. (eds.), *Language&Ethnic Identity Volume I Disciplinary and Regional Perspectives*. Oxford, New York, xxiii–xxxv.
- García O., 2010: Linguaging and Ethnifying, in Fishman J.A., García O. (eds.), *Language&Ethnic Identity Volume I Disciplinary and Regional Perspectives*. Oxford, New York, 519–533.
- Melik V., 1997: Problemi v razvoju slovenske narodne identitete (do 1941), in Nečak D., *Avstrija. Jugoslavija. Slovenija. Slovenska narodna identiteta v času*. Ljubljana, 41–52.
- Novak Popov I., 2009: Razmišljanje o sodobni narečni poeziji, in Smole V. (ur.), *Slovenska narečja med sistemom in rabo*. Ljubljana, 435–453.
- Novak Popov I., 2013: Presežna vrednost sanj ob pesniški zbirki Andreine Trusgnach, in *Trinkov koledar za Beneške Slovence za leto 2013*. 161–166.
- Preston P. W., 1997: *Political/Cultural Identity. Citizens and Nations in a Global Era*. London.
- Rizman R., 2003: Globalizacija in kultura: konflikt ali sinergija?, *Obdobja 20*. Ljubljana, 27–42.
- Spolsky B., 2010: Second-Language Learning, in Fishman J.A., García O. (eds.), *Language&Ethnic Identity. Volume I Disciplinary and Regional Perspectives*. Oxford, New York, 172–184.
- Stanonik M., 2007: *Slovenska narečna književnost*. Maribor (Zora 51).
- Štih P., 2011: Slovansko, alpskoslovansko ali slovensko? O jeziku slovanskih prebivalcev prostora med Donavo in Jadranom v srednjem veku (pogled zgodovinarja), *Zgodovinski časopis* 64 (2011), št. 1–2, 8–51.
- Vassberg, L., 1993: *Alsatian Acts of identity. Language Use and Language Attitudes in Alsace*. Multilingual Matters 90. Cleveland, Philadelphia, Adelaide.
- Vodopivec P., 1997: Nekaj opozoril na vzporednice in razlike v narodnem oblikovanju Slovencev in Bretoncev, in Nečak D., *Avstrija. Jugoslavija. Slovenija. Slovenska narodna identiteta v času*. Ljubljana, 62–73.
- Vodopivec P., 2006: *Od Pohlinove slovnice do samostojne države*. Ljubljana.
- Zuljan Kumar D., 2011: Jezik, skupnost, identiteta: odnos do prvega (maternega) jezika v času globalizacije (primer Beneških Slovencev in Furlanov), *Goriški letnik*, št. 35, 229–242.
- Zuljan Kumar D., 2014: *Identity Process Changes in the Slovenian and Friulian Linguistic Communities in Friuli Venezia Giulia, Italy*.

DANILO ZULJAN KUMAR

The Slovenian Language and Slovenian National, Regional and Local Identities

Language constitutes an important part of identity; therefore, a definite relationship can be established between the stages of development of the national language and forms of identity. The formation and development of the Slovenian national language, starting in the late seventeenth century, during the period of National Awakening, and of

Slovenian national identity can be divided into six stages or periods, all of which saw the social functions of the Slovenian language change. In the 1990's, emphasis on Slovenian national identity reached its peak, at the same time that the effects of globalization became noticeable in Slovenia, increasing the attention of the Slovenians to their regional and local particularities and the diversity of their local dialects. The article focuses on the different forms of national, local and regional identities that have emerged during this period in Slovenia.

Key words: national, regional and local identity, Slovenian language, history of the Slovenian literary language, dialects.

DANIŁA ZULJAN KUMAR

Slovėnų kalba ir tautinis, regioninis ir vietinis identitetas

Straipsnyje detaliai analizuojamos skirtingos tautinio, regioninio ir vietinio identiteto formos Slovėnijoje, atsiradusios dėl bendrinės slovėnų kalbos raidos.

Kalba yra neatsiejama tautinės savimonės dalis, ir nacionalinės kalbos vystymosi etapai straipsnyje siejami su identiteto formomis. Pasirodė, kad galima nustatyti tam tikrą slovėnų kalbos raidos laikotarpių ir identiteto formų sąsają. Skiriami šeši bendrinės slovėnų kalbos raidos (pradedant nuo XVII a. pabaigos, t. y. tautinio atgimimo pradžios) ir slovėnų tautinio identiteto raidos periodai, kiekviename iš jų slovėnų kalbos funkcijos keitėsi, plėtėsi, vystėsi, taip pat keitėsi identiteto formos – nuo tautinės savimonės atsiradimo (pirmasis etapas), jos visavertiškumo, prisiskyrimo prie platesnės pietų slavų tautų bendrijos ir t. t. XX a. pabaigoje slovėnų identiteto akcentavimas pasiekė savo viršūnę, kartu Slovėnijoje išryškėjo globalizacija. Šių procesų pasekmė – slovėnų dėmesys savo regiono ir vietovės kalbai, tradicijoms, istorijai. Ypač pastebimas regioninis ir vietinis identitetas tarmių ir dialektų vartojimo atžvilgiu.

Reikšminiai žodžiai: tautinis, regioninis, vietinis identitetas, slovėnų kalba, slovėnų kalbos raida, slovėnų tarmės, globalizacija.

Перевод со словенского: Ирина Макарова-Томинец

E-mail: DZuljan@zrc-sazu.si

Поступило в редакцию: 15 января 2012 г.

Принято к печати: 30 мая 2014 г.